Что касается Хурвина, то могилы раскопанной части его, несомненно, сходны с могилами Сиалка А, но не Сиалка В; аналогичное положение имеет место и в отношении обряда погребения, насколько он известен. В то же время состав сопровождающего инвентаря заставляет считать их синхронными Сиалку В. Из этого можно сделать заключение, что здесь население, весьма близкое к тому, которому принадлежит Сиалк А, обитало в тот период, когда на самом Сиалке утвердились новые жители. К сожалению, мы не имеем данных о конструкции более ранних могил, наличие которых засвидетельствовано составом коллекции Малеки: поэтому вопрос о времени появления этого населения тут остается открытым.

Если исходить из точки зрения Ванден Берге, то раскопанная часть Хурвинского могильника должна была бы иметь в конструкции могил и обряде погребения «гибридные» или переходные черты. Однако в действительности этого не наблюдается.

Таким образом, в рассматриваемом аспекте предлагаемая автором трактовка соотношения Сиалка А и В не находит себе подкрепления, а сам вопрос становится более сложным. Этнографические черты, свойственные населению Сиалка периода могильника А, выступают теперь не как локальное и ограниченное по времени явление: они прослеживаются уже на ряде памятников и притом во всяком случае на одном из них также в относительно поздний период. С другой стороны, Сиалк В приобретает более обособленное положение.

Все это заставляет очень осторожно относиться к предлагаемой атрибуции Хурвинского могильника. Она во многом зависит от того, как подходить к интерпретации тех фактов, которые лежат в основе гипотезы Р. Гиршмана о принадлежности Сиалка В иранцам. Мнение о прямой связи сероглиняной керамики с индоевропейцами и конкретно иранцами — крайняя точка зрения, сторонником которой, безусловно, является и Ванден Берге: в заключительном разделе книги он прямо говорит, что наличие в Гиссаре III В—С (и даже II А—В) сероглиняной керамики указывает на появление индоевропейских элементов. Близкие суждения существуют и применительно к материалам Средней Азии, составляя основу гипотезы об очень раннем появлении здесь индоевропейской и даже иранской речи. Однако вопрос о реальности такой прямой связи не может считаться решенным: фактически он до сих пор еще не был подвергнут специальному и всестороннему анализу. Правильное понимание его возможно только с учетом всего хода развития культуры эпохи бронзы на обширном пространстве Передней Азии, Кавказа, Ирана и Средней Азии.

А. Мандельштам

Hermann Niggemeyer, *Kuttia kond. Dschungel-Bauern in Orissa.* Klaus Renner Verlag, München, 1964, 257 стр.

Монография западногерманского этнографа Г. Ниггемейера «Кутиа кхонды» (крестьяне джунглей в Ориссе)», изданная в Мюнхене в 1964 г., посвящена описанию социальной организации, материальной и духовной культуры одного из подразделений кхондов.

Кхонды (куи, кандхи), которых в 1964 г. насчитывалось около 620 тыс., проживают главным образом в юго-западных районах штата Ориссы. Кхонды дравидоязычны; их язык «куи» по своему грамматическому строю и структуре ближе к телугу, чем к ория.

Кутиа кхонды составляют менее 1% всех кхондов: их численность равна примерно 5000 человек. Живут они компактно в 115—120 деревнях округа Пхулбани (стр. 11—12).

Деревни кутиа кхондов расположены в труднодоступных горных районах среди джунглей, вдали от крупных административных центров. От прибрежной равнинной территории Ориссы область расселения кутиа кхондов с востока отделена отрогами гор Гхатов. Само название «кутиа» производят от слова «куто» (гора). Есть, правда, и другое мнение: кутиа происходит от слова «кути» (хижина).

Вплоть до последнего времени кутиа кхонды мало были связаны с окружающим миром и поэтому мало подвергались влиянию извне[1].

[1] Конечно, речь идет об относительной изоляции кутиа кхондов. Г. Ниггемейер отмечает, что кутиа кхонды нуждались в таких продуктах и товарах, как соль, глиняная и бронзовая посуда, ткань, украшения и т. п., которые они сами не изготовляли. Посредниками-торговцами выступали некоторые ориязычные касты, которые и вели эту торговлю. Эти торговцы поставляли также буйволов, которые требовались для религиозных праздников. В свою очередь, кутиа кхонды поставляли продукты своего труда. Таким образом, торговля носила меновой характер. Иногда кутиа кхонды являются должниками торговцев.

Некоторые торговцы жили в деревнях кутиа кхондов. До настоящего времени эти посредники, чтобы успешно вести торговлю, вынуждены знать язык куи. Торговцы не играли роли в общинной жизни деревни. Это был своеобразный симбиоз.

Так, например, перепись Индии 1951 г. в разделе о кхондах сообщает о кутиа следующее: «...кутиа кхонды наиболее отсталые из них. Занимая наиболее недоступные возвышенности и отдаленные леса, они живут тем, что могут добыть при помощи лука и стрел, которыми владеют с большим искусством, а также другими лесными продуктами» (стр. 11).

Надо сказать, что если многим народам и народностям (как, например, бхилам, санталам, гондам и другим), проживающим на Центрально-индийском нагорье, посвящены многочисленные исследования, то кхондам в этом отношении не повезло. Отдельные немногочисленные публикации по частным вопросам не в состоянии дать более или менее полного представления об этом народе. Книга Г. Ниггемейера в значительной мере восполняет этот пробел. Автор остановился на изучении кутиа кхондов, потому что они сохранили в наиболоее чистом виде древние племенные обычаи и культуру.

Г. Ниггемейер вместе со своей женой изучал жизнь кутиа кхондов в течение семи месяцев (ноябрь 1955 г.— май 1956 г.), и его монография написана главным образом на основе полевых работ и личных наблюдений.

Книга состоит из семи основных глав: I. Кутиа кхонды и окружающая среда (стр. 7—26); II. Деревня и жилище (стр. 27—39); III. Социальная организация: племя, деревня, род (стр. 40—49); IV. Этапы жизненного пути (стр. 50—93); V. Хозяйственная жизнь и аграрный культ (стр. 94—136); VI. Религия (стр. 137—211); VII. Культура кутиа кхондов (стр. 212—218).

Все главы, кроме последней, разбиты на ряд разделов. В приложении (стр. 219—242) даны записи мифов и народных преданий. Монография снабжена краткой библиографией и указателем. В тексте много графических рисунков, а в конце книги на 32 страницах приложены отлично выполненные фотоиллюстрации, которые наглядно и всесторонне поясняют различные стороны жизни кутиа кхондов.

Автора в первую очередь интересовали хозяйственная деятельность кутиа кхондов и их религиозные обряды. Но это отнюдь не означает, что другие стороны их жизни не получили освещения.

Вторая глава посвящена характеристике деревень и жилища. Деревни кутиа кхондов невелики, в среднем в каждой деревне живет 50 человек. Деревни с населением свыше 100 человек встречаются очень редко(стр. 27). Деревни окружены изгородью, которая обычно плетется на вертикально вбитых кольях из бамбука. Бамбук, как и во многих других районах Индии, универсальный строительный материал. К внешней стороне деревенской ограды примыкают приусадебные участки, которые являются собственностью отдельных семей. На них выращивают овощи, стручковые, табак и пр. Планировка деревень кутиа кхондов отличается от поселений остального населения Ориссы. Два ряда домов, соединенных обычно под одной общей крышей, расположены друг против друга. Между этими двумя рядами образуется деревенская площадь овальной формы, на которой решаются общедеревенские дела и проводятся религиозные обряды.

Как правило, девушки, достигшие 12-летнего возраста, не ночуют в доме родителей. Они собираются на ночь в специально отведенном помещении. Юноши с 15-летнего возраста также спят не в доме родителей. Юноши свободно посещают комнату девушек (стр. 37).

В третьей, небольшой по объему, главе описана социальная организация кутиа кхондов. В ней Г. Ниггемейер разбирает вопросы, связанные с родоплеменной организацией, деревенской общиной и экзогамией, которой до настоящего времени строго придерживаются кутиа кхонды. По-видимому, в настоящее время каждая деревня является соседской общиной с очень сильными родоплеменными пережитками, которые поддерживаются самим характером хозяйственной деятельности: земледелие кутиа кхондов носит подсечно-огневой характер. Очистка участка под посевы требует коллективных усилий большого числа людей.

Подчеркивая обособленность отдельно взятой деревни, автор объясняет это главным образом тем, что деревни кутиа кхондов зачастую отрезаны друг от друга более поздними поселенцами (гондами, ориями), которые заняли горные долины (стр. 40). Нам кажется, что эта обособленность связана в первую очередь с примитивным отсталым характером самой хозяйственной деятельности.

Г. Ниггемейер перечисляет четырнадцать родов у кутиа кхондов (стр. 45) и отмечает, что в настоящее время их значение в общественной жизни падает. Интересно отметить, что ряд названий родов носит тотемный характер. Автор приводит несколько легенд, повествующих о происхождении этих названий, и выражает удивление по по-

---

Кроме того, в горных районах около 300 лет назад появились гонды. Здесь они, попав под власть орисских феодалов, вскоре утратили свой язык и восприняли орисский уклад жизни.

Горные районы делятся на административные единицы, называемые «мутха». И в настоящее время потомки гондов возглавляют мутха, в которых проживают кутиа кхонды, и выполняют некоторые судебные функции среди них. Но влияние гондов на внутреннюю жизнь кутиа кхондов также невелико (см. стр. 15—22, 245).

воду того, что члены данного рода не соблюдают никакого почтения к своему мифическому родоначальнику[2]. До настоящего времени принадлежность к роду играет роль при заключении брачных союзов. Браки внутри рода запрещены, и экзогамия неукоснительно соблюдается.

Ории с их строгой кастовой организацией какого-либо влияния на общественную жизнь кутиа кхондов не оказали.

Четвертую главу автор озаглавил «Этапы жизненного пути». Она состоит из четырех разделов: 1. Беременность и роды; 2. Детство и юность; 3. Половая зрелость и брак; 4. Старость и смерть. Таким образом, прослеживается весь путь человека от рождения до могилы.

Но в действительности содержание главы значительно шире. В ней рассказывается о быте и обычаях, семейных отношениях, о различных обрядах, связанных с тем или иным событием в жизни человека. Много места в главе уделено традиционной одежде и своеобразным многочисленным украшениям.

Глава, написанная по личным наблюдениям, отличается живостью изложения, обилием фактического материала и, несомненно, представляет большой познавательный интерес.

Пятая и шестая главы являются, пожалуй, стержневыми в этой монографии; по объему они занимают почти половину книги.

В пятой главе Г. Ниггемейер подробно разбирает цикл сельскохозяйственных работ у кутиа кхондов. Основным занятием, как уже отмечалось, является подсечно-огневое земледелие. Автор детально освещает такие этапы, как например, раздел земли на участки для каждой семьи, подготовку поля к посеву (вырубка леса, сжигание сваленных деревьев и вырубленных кустарников), сев, уборку урожая и молотьбу.

Автор книги совершенно правильно, на наш взгляд, подчеркивает, что у кутиа кхондов отсутствует понятие частной собственности на землю. Она является собственностью всей общины. Участки выделяются лишь во временное пользование на несколько сезонов (стр. 100). Когда участок истощится, выделяется новый.

К сожалению, Г. Ниггемейер обходит вопрос о наличии классовой дифференциации среди кутиа кхондов. Однако некоторые материалы его книги позволяют думать, что процесс классового расслоения у них уже начался. В этой же главе автор подробно описывает традиционные сельскохозяйственные орудия труда, которые с древнейших времен употребляют кутиа кхонды (различные топоры для вырубки леса, мотыги и прочий инвентарь). Надо сказать, что в целом у всех народов Южной и Юго-Восточной Азии, которые занимаются подсечно-огневым земледелием, эти орудия мало чем отличаются друг от друга. Население выращивает различные виды проса, кукурузу и стручковые.

Во время сельскохозяйственных работ кутиа кхонды совершают различные и многочисленные религиозные обряды, сопровождающие буквально каждый шаг земледельца, начиная с торжественного открытия нового лесного участка, освящения семян и кончая уборкой урожая и церемониальным приготовлением пищи из зерна нового урожая. Все эти обряды посвящены богине земли и плодородия Бангу пинну. Г. Ниггемейер подробно и ярко описывает эти праздники (см. стр. 102—104, 108—109, 114—121). В религиозных верованиях и обрядах у кутиа кхондов ведущее место принадлежит земледельческому культу. Это свидетельствует о том, что кутиа кхонды с самых отдаленных времен, как вероятно и все кхонды в целом, являлись земледельческим народом. Следовательно, составитель ценза 1951 г. по Ассаму, охарактеризовавший кутиа кхондов, как людей, основными занятиями которых являются охота и собирательство, был неправ. Играют ли какую-либо значительную роль собирательство, охота, рыболовство и отлов диких зверей в настоящее время? Да, играют, особенно собирательство и охота. И это вполне понятно: количество продуктов сельского хозяйства получаемых от подсечно-огневого земледелия, явно не удовлетворяет потребности населения. Сбор дикорастущих клубней, овощей, фруктов и охота в какой-то мере дополняют пищевой рацион. В специальном разделе (стр. 122—134) автор подробно перечисляет дикорастущие растения, используемые населением. Он также очень детально описывает способы охоты кутиа кхондов: в течение веков у них выработались свои, часто очень оригинальные методы охоты.

Шестая глава посвящена религиозным воззрениям кутиа кхондов. Здесь рассмотрен целый комплекс различных проблем. В этой главе Г. Ниггемейер касается представлений кутиа кхондов о происхождении Вселенной и человека, понятий о душе, культе предков, многочисленных богах. Для написания этой главы автор использовал личные наблюдения, а также широко привлек мифы, бытующие среди кутиа кхондов. За-

[2] Возможно, что эти легенды имеют не очень древнее происхождение и связаны с какими-нибудь реально происходившими событиями. Такие случаи известны. Например, ведды на Цейлоне подразделяются на девять родовых групп. Каждая группа имеет устную традицию о происхождении своего рода, истоки которой уходят в сравнительно недалекое прошлое и имеет в своей основе, по-видимому, реальное событие. Ведды также не обожествляют своих родоначальников.

пись мифов и их использование в этнографическом исследовании — большая заслуга Г. Ниггемейера.

Один из мифов повествует о происхождении мира и человека следующее: сначала из земли появилась богиня Нирантали-Капантали, затем Раниалу-Бендиалу и другие. Нирантали-Капантали создала мир, она создала все — зверей и растения. Затем она создала человека (стр. 139). Здесь мы видим попытку объяснить возникновение жизни на земле, а также явственную тенденцию поставить одного бога-созидателя в качестве верховного божества. Эти наивные представления примечательны тем, что возникли независимо от соседних больших индуизированных народов.

Кутиа кхонды также поклоняются недавно умершим предкам, и в дни семейных празднеств им предлагаются жертвенные напитки и пища. Сильны среди кутиа кхондов и анимистические верования. Но все же наиболее распространенные и почитаемые среди населения религиозные праздники связаны с земледелием. Одним из основных праздников является жертвоприношение буйвола. Этот праздник отмечается в конце сухого сезона, когда участки приготовлены для очередного сева. Г. Ниггемейер наблюдал его в четырех деревнях. Богиню земли просят о плодородии растений и людей. Ритуал этого праздника длителен и сложен. Завершается он отсечением головы буйвола (этой операцией руководит шаман) на специальном каменном алтаре. Голова водружается на жертвенный столб, вкопанный в землю. Почти в каждой деревне на площади можно увидеть такой столб (см. стр. 184—207). Надо отметить, что практика отсечения головы буйвола и водружение ее на жертвенный столб распространена у многих земледельческих народов Ассама и Индокитая.

Дальнейшее изучение этой своеобразной этнографической группы, несомненно, представляет значительный интерес, так как поможет в какой-то мере разрешить вопрос о характере хозяйственной деятельности, социальной организации, духовной и материальной культуры ряда народов Центрально-индийского нагорья в прошлом.

В заключение надо сказать, что рецензируемая книга несомненно привлечет внимание этнографов и страноведов, интересующихся жизнью, культурой и бытом малых народов Южной Азии.

В. Кочнев

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Ш. А. Богина. *Иммиграция в США накануне и в период гражданской войны (1850—1865 гг.)*. М., 1965, стр. 252.

Миграции населения играли и продолжают играть видную роль в истории стран и континентов, в истории отдельных народов мира. Особенно велико их значение в истории стран Нового Света, прежде всего — Америки, все крупные нации которой сложились на базе переселенцев из различных стран Европы, смешавшихся в той или иной степени друг с другом, с коренным индейским населением и с неграми, вывезенными работорговцами из Африки. Этническая специфика групп переселенцев из Европы и их количественные соотношения во многом определили особенности новых американских наций. К сожалению, в советской этнографической литературе почти нет работ, посвященных исследованию национального состава переселенцев, численности, структуры и расселения каждой своеобразной в этническом отношении группы иммигрантов, а без таких исследований картина исторического процесса образования наций стран Америки и их современного состояния остается далеко не полной.

Рецензируемая работа Ш. А. Богиной «Иммиграция в США накануне и в период гражданской войны (1850—1865 гг.)» посвящена крупнейшей и, по-видимому, наиболее интересной в иммиграционном отношении стране Америки — Соединенным Штатам, этому, по выражению американских социологов, «плавильному котлу», где миллионы переселенцев из различных стран мира сплавляются в единую нацию. Работа основана на обширном, мало использованном до сих пор материале, и представляет собой серьезный вклад в американистику. Будучи по существу единственной в нашей литературе специальной историко-этнографической работой, посвященной изучению иммиграции, она приобретает и определенное методологическое значение.

Книга Ш. А. Богиной состоит из введения и четырех глав. «Введение», посвященное главным образом обзору материалов, которые были положены в основу работы, по своему содержанию далеко выходит за хронологические рамки исследования и кратко характеризует почти все значительные работы, посвященные изучению иммиграции в США XIX—XX вв. В первой главе дается общий обзор этнического и социального состава населения США накануне гражданской войны, основанный на материалах переписи населения 1860 г.; здесь же приводятся некоторые сведения об иммиграции до 1860 г. Вторая и третья глава, соответственно, посвящены анализу двух основных иммигрантских групп того времени: ирландской (около 1,7 млн. чел.— 39% всех иммигрантов США на 1860 г.) и немецкой (1,3 млн. чел.— 31,5% всех иммигрантов). В этих по существу центральных главах работы рассматриваются основные причины, вызвавшие переселение из Европы: экономические (картофельный голод и нищета в Ирлан-